

«Хр-р-хр-р...» — глухо похрипывает передовая то спереди, то справа, и кроваво полыхает небо — жутковато, неотвратно...

Неотвратимость этого надвигающегося на них неба ощущают все. Знают и то: дорога эта, может, последнее, что есть в их жизни. Знают, но стараются об этом не думать. Но всё же со скрытой завистью поглядывают на тех, кто идёт обратно, — для тех всё позади. Их немного. Остальные остались там. Это тоже все понимают и потому идут молча — только топот ног, бряцанье оружия и редкие команды: «Подтянуться! Отставить курение!»

Молчат и думают... О чём? О близкой смерти, которая зарницами подмаргивает им с горизонта? Наверное, нет. Большинство идёт на войну в первый раз, не знают ещё, что

такое передовая. Некоторые даже плохо представляют, что такое пехота.

Они демонстративно не снимают с петлиц эмблемы своих прежних родов войск — тут и золотистые танки, и перекрещённые пушки, и молоточки инженерных, и замысловатая красивая эмблема ВОСО, и даже крылышки лётчиков. Да, лётчиков! Разумно ли это? Никто не знает. Только понимают: нужна пехота, много пехоты, очень много пехоты.

Командир первой роты старший лейтенант Кравцов знает, что значит это багряное небо впереди. В первый раз шёл он туда взводным, сейчас идёт ротным, в третий раз, ежели останется живым, пойдёт, может, и комбатом, но это не радует — он знает, что там.

Сейчас он думает о своей Дуське... Нередко грозил он ей наганом: «Здесь семь. Ежели что — две твоих, чтоб наверняка...»

Но Дуську, видать, не особо пугали наганные пули... И знал Кравцов: шепчутся и шушукуются за его спиной боевые подруги.

Скучно было Дуське. Детей у них не было, всех делов — прибрать в комнатке, целый день одна. Вставая в четыре утра, чтоб писать конспекты к занятиям, в шесть был уже Кравцов в роте, а возвращался только после отбоя, измотанный — не до любви.

Вот и бегала она одна то в киношку, то на танцы, а там кто-нибудь из сверхсрочников-старшин, а то из рядовых, кто побойчее, заболтают, зажмут где в укромном местечке...

А Кравцов был неказист, ростом маловат, нос кнопкой. Не нашла себе Дуська лучше — вот и вышла. Подружки-то её — «хетагуровки» — повыскакивали все замуж, не оставаться же ей в девках.

Да, такая была жизнь... Армию Кравцов любил, хоть и доставалось ему всё с трудом. Пожалуй, лучше всего было, когда служил сверхсрочную старшиной. А на курсах комсостава было тяжело, четыре класса — не академия. Но расти хотелось, не век же с четырьмя треугольниками ходить.

В тридцать девятом перевели его в полковую школу. Не раз приходилось краснеть, когда начальник школы, просматривая его конспекты, жирно и стыдно большим синим карандашом подчёркивал грамматические ошибки и заставлял переписывать.

Пополнение в тот год пришло диковинное — почти все студенты, даже два инженера были в его взводе. Ребята очень грамотные, но в субординации не смыслящие, потому и гоготали при каждом его очередном ляпсусе. А их бывало немало. То на химподготовке окись углерода назовёт не CeO , а просто CO , как в книжке напечатано, да обзовёт ещё эту CO «секретным газом», получается который, когда бабка печь раньше времени закроет; то на занятиях по географии нашей Родины за тундрой пойдёт у него «полундра»... Веселились на славу.

И стояло у него на занятиях это веселье, пока, вконец измученный, но просто, без командного металла в голосе, не сказал: «Ребята, что знаете сами не хуже меня — скажите. Чтоб не болтал зря. Ведь академиев я не кончал». С тех пор стало тихо.

Зато мог он с закрытыми глазами разобрать и собрать затвор винтовки, стрелял только в «яблочко», а пятидесятиметровую штурмовую полосу проходил так, что взвод чуть ли не хлопал. Тут Кравцов был в своей стихии.

— Воткнул, а у ней и не засвербило! — кричал он кому-нибудь из курсантов, который мякло тыкал штыком чучело. — Чего, чего говоришь? Не получается? Шинель мешает? Плохому рубাকে всегда что-то мешает...

Взвод хохотал.

Не пришлось ему побывать в прошлых боях в рукопашной, показал бы немцу русский штыковой удар. И орден — наверняка.

Но мысли о Дуське и о том, что беспрерывно она сейчас гуляет (на Дальнем Востоке мужиков пока хватает), как-то вяло прокатываются в его мозгу, не вызывая той обычной боли, с которой всегда представлялись измены жены, — всё это теперь пустое. Волнует другое. Видит он, что из трёх

командиров взводов только Шергин чего-то стоит, а остальные... И одному ему придётся расхлёбывать кашу, именуемую боем... Хотя почему одному? Вот политрук идёт рядом, мужик вроде ничего, молчун, правда... А может, это и хорошо? Не особо любил Кравцов болтунов, которые к месту и не к месту за советскую власть агитацию разводили. Чего за неё агитировать? По-другому бы надо... И ему нравилось, что его политрук лишних слов не говорил, зато в котёл красноармейский заглядывал часто: как там для бойцов, густо ли?

Не очень-то надеясь на лейтенантов из училища, придирчиво выбирал Кравцов помкомвзводов из кадровых сержантов-дальневосточников и выбрал вроде бы толковых, хоть и не воевавших, но которые со взводом справятся не хуже, а может, и лучше его взводных, недавних школяров, с которыми, чуёт он, будет у него маета.

Ведь надо же: перед самой отправкой в эшелон подошёл к нему один из этих новоиспечённых и заявил, что хочет позаниматься со взводом тактикой.

— Какая, к чёрту, сейчас тактика?! — отрезал он тогда. — Отдыхать людям надо. Отдыхать! Не к тёще на блины едем. Поняли?

Да, знает Кравцов, сколько сил потребует передовая, и нечего мотать людей — намотаются ещё.

И люди примечали: понимает их ротный, жалеет, — и тоже относились к нему по-хорошему. Это он видел. За годы службы много прошло через его руки народа, научился он понимать разные характеры и мог любого человека раскусить запросто.